

Беларусь в Совбезе ООН

Воспоминания белорусского посла

Виталий Степанович Смирнов (1930 – 2007) – советский, белорусский дипломат, с 1971 года – Чрезвычайный и Полномочный Посол. Он был Представителем БССР при ООН, стал первым послом Беларуси, представлявшим нашу республику в этом высшем международном органе. Его опыт и знания были востребованы внешнеполитическим ведомством советской страны – чуть позже он был Послом СССР в Пакистане, затем – в Бангладеш. Много лет возглавлял Виталий Смирнов Белорусское общество дружбы с зарубежными странами, был преподавателем и профессором кафедры внешней политики и дипломатии в Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Дипломат оставил дневниковые записи, которые пока не оформились в отдельно изданную книгу. Журнал «Беларуская думка» первым получил доступ к этим эксклюзивным материалам. И сегодня мы публикуем главы из рукописи, которые касаются периода работы В.С. Смирнова в ООН. Это не подноготная международных отношений, не изнанка внешней политики, не сенсация с желтым оттенком. Это – дипломатия в человеческом измерении, дипломатия глазами ее непосредственного участника. А еще – яркое свидетельство того, что белорусская внешняя политика гораздо старше тех двух десятков лет, сколько существует Беларусь как независимое государство.

Однажды на пресс-конференции журналист спросил меня:

– Как вы стали дипломатом?

Мой ответ был таким:

– Международными делами я начал заниматься с 12-летнего возраста, когда был сыном полка и участвовал в войне против фашистской Германии. Затем на протяжении 10 лет, работая в комсомоле, часто бывал на международных фестивалях и конгрессах. 15 лет работал в Белорусском обществе дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Изучил английский язык. Вот и все. Сама жизнь выдвинула меня на дипломатическую работу.

С ТАНКОМ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Это была моя первая поездка за океан – на XVII сессию Генеральной Ассамблеи ООН, которая состоялась в 1962 году.

Сначала делегация БССР приехала в Москву, ночь мы провели в гостинице. А утром сели в автобус до аэропорта. Последним в салон зашел поэт Максим Танк (Евгений Иванович Скурко. – Ред.).

Кто-то прошептал:

– Танк идет!

Все притихли, а потом громко рассмеялись. Поэт немного смутился:

– Нужно, наверное, мне менять псевдоним. А то он не очень подходит для нашей поездки на сессию.

Почти три месяца мы с Евгением Ивановичем провели в Нью-Йорке. Я был представителем республики в Четвертом Комитете, а Максим Танк – в Третьем. Я защищал деколонизацию, а Максим Танк – права человека. Вместе проводили свободное время, ходили за покупками, гуляли по улицам Нью-Йорка. В отличие от многих своих коллег, писателей и поэтов, Максим Танк никогда и ни о ком не говорил плохо. Он, кажется, уважал всех и понимал всех больше, чем другие.

За день до открытия сессии наша делегация отправилась на дачу белорусского Постоянного представительства «Остербей». Это в 30 милях от Нью-Йорка – небольшой клочок советской земли с трехэтажным зданием, спортивной и детской площадками, футбольным полем, вековыми деревьями и цветниками.

Нас, земляков, встретили с нескрываемой радостью. Для тех, кто постоянно жил на этой даче, мы были гостями особенными. Отдаленность от Родины, кажется, усиливает дружбу, товарищество. Я не встречал ни одного советского человека, будь то советник представительства, шофер или делегат, жена нашего сотрудника или их ребенок, кто не хотел бы домой, на Родину, в Советский Союз. Дети тех работников, которым осталось здесь быть меньше года, зачеркивали в календаре прожитые дни и считали, сколько еще времени до отъезда в Союз. Те, кому осталось меньше месяца, ходили радостные и довольные, с сияющими глазами – скоро домой!

Собрались на детской площадке. Совещание начали с того, что попросили Максима Танка покинуть нас и прогуляться. Немного смутившись, он медленно ушел вглубь аллеи.

– Завтра нашему другу Евгению Ивановичу исполняется 50 лет, – начал глава делегации Кузьма Венедиктович Киселев. – Какие будут в связи с этим предложения?

Предложения сыпались одно за другим. Все любили и уважали этого высокого, с выщипанными светлыми кудрями человека.

Наконец обо всем договорились. Позвали Евгения Ивановича и объявили, что завтра будем отмечать его день рождения. Он еще больше смутился и, от волнения сбиваясь, стал благодарить нас и уверять, что не следует все это устраивать. Мол, он и не достоин такого внимания.

Принять участие в торжестве пришли члены делегации Советского Союза вместе с министром иностранных дел СССР Андреем Громыко, украинские друзья со своим министром, работники Постоянного представительства и, конечно, белорусская делегация всем составом.

Юбилей в чужой стране... Не без суеты, острот и шуток в адрес юбиляра и присутствующих сели за стол. Как и положено в таких случаях, глава нашей делегации Кузьма Киселев кратко говорит о юбиляре и провозглашает тост:

– За Евгения Ивановича, за его пятьдесят!

С этими словами Евгений Иванович поднимается и стоя выслушивает до конца тост... Мы все, конечно же, хорошо знали о том, кто такой Максим Танк, знали о месте поэта в белорусской литературе, в общественной жизни республики. В эти минуты каждый из нас вспомнил о трудном жизненном пути этого выдающегося человека – борца, патриота, поэта.

Не всегда возраст определяется календарными годами. Возраст определяется жизнью человека – тем, сколько он встретил трудностей и как их преодолевал, сколько принес людям пользы. Если оценивать жизнь Евгения Ивановича Скурко такой меркой, то он прожил гораздо больше календарных лет. И за эту не по календарю длинную жизнь сохранил молодость души, способность работать, думать и творить по-молодому.

Виталий
Степанович
Смирнов

В сентябре 1973 года Беларусь первый и пока единственный раз в истории стала членом Совета Безопасности ООН. Это была настоящая победа советской дипломатии. Добиться ее удалось во многом благодаря Виталию Смирнову, который на тот момент был Постоянным представителем БССР при ООН.

Каждому хотелось в этот день сказать ему что-то теплое, хорошее, значащее. Мне от делегации было поручено зачитать приветствие, что я с удовольствием и не без волнения сделал. Были в поздравлении такие слова: «Мы все любим Вас как талантливого поэта, чуткого и отзывчивого товарища, настоящего Человека. В жизни и труде Вы не тлеете, а горите»...

Подарок юбиляру заботливые друзья приготовили еще на Родине – небольшой макет советского спутника Земли, который, если нажать на кнопку, начинал транслировать позывные на фоне мотива песни «Широка страна моя родная...».

Все сразу умолкли, как-то по-серьезному и несколько минут слушали этот знакомый и родной напев. Мысли наши перенеслись в этот момент в родные места, за океан, в дорогой каждому бьющемуся здесь сердцу Советский Союз, на свою Родину. И под двойной аккомпанемент – позывных и мелодии – кто-то не выдержал и начал читать стихи Максима Танка:

*У сузор'і савецкіх рэспублік, сябры,
І мой край пяцікутнаю зоркай гарыць.
Ён ляжыць на ўзбярэжжы Дняпра і Дзвіны,
Там, дзе чуецца гул белавежскай сасны,
Дзе бясконца стужкі вяёлак, шляхоў,
На калгасных палях табуны трактароў.
Дзе для дум сакавітых высокі палёт,
Дзе жыве працавіты і мужны народ.
Дзе вятры партызанскаю славай шумяць,
Дзе Купалы і Коласа песні звіняць.*

– Разрешите поблагодарить всех вас за такие теплые слова, за искренние пожелания, – с волнением в голосе сказал Евгений Иванович и добавил: – Всё это дорого вдвойне здесь, вдали от Родины. И когда бываешь в других странах, сравниваешь их общественный строй с нашим, еще дороже и роднее становится наша Родина, по-настоящему начинаешь понимать, что такое любовь к Родине. И всегда хочется быстрее ступить на родную землю, услышать родную речь, ухватить и не видеть безработных, нищих, неравенство и унижение, не слышать вой полицейских сирен...

Редко бывают такие совпадения, но в этот момент послышался пронзительный, режущий ухо вой полицейской сирены. Все

от неожиданности замерли, а потом расхохотались.

– За Родину, за Коммунистическую партию Советского Союза! – звон бокалов и голос Евгения Ивановича, который, выполняя просьбы, еще долго читал свои стихи. И все опять стало, как дома, на Родине.

Прошли годы... Мне дорога память об этом Человеке. Дороги его книги, которые есть у меня дома, и надпись на одной из них: «Дарагому Віталю Сцяпанавічу Смірнову – на добры ўспамін аб нашых незабыўных сяброўскіх сустрэчах, бяседах, супольных паездках і вандроўках па шырокаму свету і дзівосных маляўнічых прыгодах. Ад усяго сэрца. Максім Танк. 28.09.1987 г.»

БЕЛАЯ ВОРОНА

В 1969 году я стал Постоянным представителем БССР при ООН. Первой трудностью было органично войти в советский дипломатический коллектив в Нью-Йорке. В представительствах СССР, УССР и БССР, расположенных в одном здании в Манхэттене по 67-й улице, почти все были карьерными дипломатами – окончили специальные учебные заведения: МГИМО или Дипломатическую академию. И я, закончивший Минский юридический колледж, оказался белой вороной среди маститых дипломатов. Тем более что мне в то время было только 40 лет – самый молодой посол СССР!

Причем настороженность ко мне была даже со стороны работников собственного Министерства иностранных дел. Вся моя информация на родине подвергалась тщательному разбору. Так, например, после поездки в Сан-Франциско в ноябре 1969 года я направил в Минск подробную информацию, которая, естественно, не была по форме похожа на сухие дипломатические бумаги. Мне рассказывали потом, что один из работников МИД ходил по отделам с этим документом, показывал его сотрудникам и с иронией и даже определенным сарказмом комментировал: «Смотрите, что пишет наш посол из Нью-Йорка!».

В общем, ждать особой помощи от своих коллег из министерства было бесполезно. До всего решил доходить сам, что давалось не без труда и усилий.

При этом надо учесть еще и снобизм большинства дипломатов – они считают

свою профессию наилучшей, а себя элитой общества. Хотя это не так. Многие дипломаты оторваны от жизни собственного народа и не умеют увязывать обсуждаемые в международных организациях проблемы с нуждами своей страны. Отсюда и словесная риторика, далекая от действительности и решения конкретных вопросов.

Особенно этот недостаток присущ дипломатам латиноамериканских стран и представителям старой дипломатической школы западных государств. Некоторые

из них могут выступать по любому вопросу, в любое время и говорить часами. И, в конце концов, непонятно, что они хотели сказать. В таких случаях вспоминается известное наставление Артура Джеймса Бальфура, премьер-министра Великобритании в 1902–1905 годах, членом своей делегации, выезжающим на международный форум: «Your speech must be like a skirt short enough to be interesting and long enough to cover the subject» (Ваша речь должна быть как женская юбка – достаточно короткой, чтобы быть интересной, и достаточно длинной, чтобы прикрыть объект).

Не случайно ООН зачастую обвиняют в том, что ее форумы – говорильня, а не решение международных проблем. Но... Нет другой такой организации, где бы можно было решать важнейшие международные вопросы, учитывая при этом интересы всех стран и всего международного сообщества.

ПОДАРОК КИМ ИР СЕНА

За пять лет работы в ООН приходилось заниматься самыми разными вопросами. В том числе я не однажды выступал в поддержку объединения Северной и Южной Кореи. В знак признательности за такую позицию получил личное приглашение президента КНДР Ким Ир Сена посетить страну.

Из Нью-Йорка в Пхеньян летели через Москву, где мне выдали ранее заготовленный дипломатический паспорт. Таким образом, у меня в кармане оказалось два дипломатических паспорта. С одним я был

Первая поездка за океан. Члены делегации БССР на XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН (слева направо) Максим Танк, К. Киселев, В. Смирнов, Б. Паремский

представителем СССР в ООН, в Нью-Йорке, а с новым летел в Корею.

Этому паспорту я был очень рад много лет спустя, когда уходил в отставку. По правилам, диппаспорт следовало сдать в Министерство иностранных дел, что я и сделал. Но второй, «корейский», паспорт остался на память.

Как жизнь все связывает в один узел! У меня были первые студенческие каникулы, когда в 1950 году американские войска высадились в Южной Корее. Мы – три друга-студента – написали тогда заявление на имя Председателя Совета Министров СССР с просьбой послать нас воевать на стороне Северной Кореи против американцев. Естественно, никто нас никуда не направил. Но разве можно было тогда представить, что через много лет мне придется сражаться на той же стороне, только на дипломатическом фронте? Разве можно было тогда предвидеть, что в Пхеньяне будет опубликована книга на корейском и русском языках с моим выступлением на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в поддержку КНДР?

Перед отъездом из КНДР я получил личный подарок Ким Ир Сена: картину, вышитую шелком, – изображение девушки с флейтой в руках. И сегодня она висит у нас дома, постоянно напоминая о замечательной стране чистого неба и свежего воздуха, восходящего солнца, ярко заливающего долины и горы; о дружеском корейском народе, главной национальной чертой которого можно считать трудолюбие.

ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

Работа в ООН затягивает. Часто для решения всех вопросов не хватает ни дня, ни ночи. Особая, как говорится, напряженка начиналась во время сессий Генеральной Ассамблеи.

Все пять лет работы в ООН мне пришлось вести вопросы Четвертого Комитета (проблемы деколонизации) и Специального Политического Комитета (обстановка на Ближнем Востоке). Так что я в какой-то степени стал специалистом по проблеме предоставления независимости колониальным странам. Приходилось часто выступать в поддержку народов, борющихся за свое освобождение, критиковать Англию, Францию, Бельгию, США, которые всеми силами

тормозили предоставление независимости территориям, где господствовали веками. В конце концов, эта борьба при поддержке Советского Союза, социалистических стран, ООН и всего прогрессивного человечества увенчалась успехом – колониальные режимы рухнули, многие территории, находившиеся в зависимости от метрополий, стали суверенными государствами.

Работа в Четвертом Комитете дала возможность познакомиться со многими борцами – теми, кто с оружием в руках сражался за освобождение своих народов. Из таких людей мне бы хотелось особенно выделить зимбабвийцев Джошуа Нкомо и Роберта Мугабе. Отважные люди, сыны своего народа. Их не остановили ни тюрьмы, ни гонения, ни лишения. При встречах они всегда твердили: «Дайте нам оружие». В конце концов, в 1980 году их страна обрела независимость, а Роберт Мугабе стал премьер-министром, а затем и президентом Зимбабве.

В. Смирнов
во время работы
в Пакистане с пре-
зидентом страны
Зия-уль-Хаком

КОНКУРЕНТЫ

В 1970 году белорусское правительство решило выдвинуть кандидатуру нашей республики на избрание непостоянным членом Совета Безопасности ООН. За всю мою дипломатическую работу это было самое сложное поручение – на его выполнение ушло целых четыре года.

Во-первых, кандидатуру БССР должна была поддержать группа стран Восточной Европы. Но здесь сразу возникли противоречия – свою кандидатуру предложила, в том числе, и Польша. Переговоры с поляками

и другими членами группы социалистических стран результатов не дали, несмотря на то, что Польша ранее уже избиралась и работала в Совете Безопасности. Идти на выборы вместе с ней было рискованно. Пришлось уступить и выдвинуть Беларусь на следующий срок. Но и тут появился серьезный конкурент – Чехословакия. Когда во время переговоров выяснилось, что кандидатура Беларуси может не пройти, решили использовать новую тактику. На заседании группы стран Восточной Европы я предложил поддержать Чехословакию с условием, что на следующий срок от группы будет выдвинута Беларусь. Такое решение в результате и было принято.

Делегация БССР на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (В. Смирнов – в центре)

Но впереди была не менее трудная работа – заручиться поддержкой государств Западной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Мне и моему заместителю Олегу Пашкевичу пришлось встретиться с послами более чем сотни государств. С некоторыми дважды и даже трижды. Были и очень трудные переговоры, как, например, с Постоянным представителем США при ООН Джорджем Бушем-старшим. Тем более что до этих переговоров между нами не раз возникали довольно острые противоречия...

СПОР С БУШЕМ

В международном комитете по празднованию юбилея ООН обсуждали, как будет выглядеть медаль «25 лет Орга-

низации Объединенных Наций». Рассматривали эскиз, где на одной стороне было изображение здания штаб-квартиры ООН, а рядом – скульптура Вучетича «Перекуем мечи на орала», которую Советский Союз подарил Организации Объединенных Наций. Работа украшала садик около здания в Нью-Йорке. Эта скульптура, по мнению советской делегации, была очень кстати и органично гармонировала с главной целью ООН – «Избавить будущие поколения от ужасов мировой войны».

Джордж Буш-старший, который в то время был послом США при ООН, выступил против изображения скульптуры Вучетича. Когда смотришь на медаль, говорил Буш, то складывается впечатление, что человек с молотом как будто замахивается на Организацию Объединенных Наций.

Уж очень американцам не хотелось, чтобы советская скульптура украшала медаль! Мне пришлось дважды выступать против предложений Буша. В довольно резкой форме я заявил: «Ваше предложение совпадает с общей политикой США, направленной против разоружения и даже самой идеи перековать мечи на орала».

После продолжительных дебатов медаль сделали со скульптурой и подарили всем послам, а также продавали всем желающим.

И вот через три года мне нужно убедить Буша, что БССР должна стать членом Совета Безопасности. Встреча состоялась в американской миссии.

Буш внимательно меня выслушал, а потом спросил: «Зачем БССР быть членом Совета Безопасности, когда ваши интересы там представляет Советский Союз?». Пришлось мне прочитать американскому послу лекцию минут на 40, в том числе напомнить, что БССР в свое время стала членом – основателем ООН.

В конце встречи Буш был уже не столь категоричен и пообещал передать своему правительству предложения белорусской стороны.

Кстати, это было мое первое, но не последнее столкновение в стенах ООН с Джорджем Бушем, который впоследствии стал послом США в Китае, затем директором Центрального разведывательного управления и, наконец, президентом Соединенных Штатов.

ПРОВОКАЦИИ

Шла война на Ближнем Востоке. Советский Союз поддерживал арабскую сторону, американцы – Израиль. Поэтому в США против арабских и советских представителей постоянно совершались провокации.

Около здания, в котором размещались миссии СССР, УССР, БССР, почти каждый день устраивались митинги и демонстрации. Участники блокировали выезд, мешали нормальной работе представительств, кричали, приковывали себя наручниками к ограде. Этим людям платили за каждый час такой работы, и они свои обязанности выполняли сполна. Так, однажды кричали 100 часов без перерыва, используя громкоговорители и микрофоны. Орала на весь квартал день и ночь, в том числе на русском языке, употребляя при этом нецензурную брань. Наши маленькие дети слушали, а потом повторяли бранные слова, спрашивали, что это значит.

Во время встречи Нового года, когда все взрослые сотрудники были внизу, у новогодней елки, здание было обстреляно с крыши дома, расположенного на противоположной стороне 67-й улицы Манхэттена. Пули попали как раз в окна того этажа, где играли дети и где находилась моя дочь Марина. К счастью, никто не пострадал.

Мы, конечно, направляли протесты американской стороне, которая отвечала за создание нормальных условий для жизни и работы постоянных представителей государств при ООН. Но вакханалия продолжалась.

Однажды выезжали из гаража, расположенного в подвале нашего здания. Я был за рулем, на заднем сиденье – супруга Тамара и дочь Марина. В этот момент толпа окружила машину, начала раскачивать ее, чтобы перевернуть. Пришлось резко нажать на газ, чтобы вырваться и уехать. А вслед нам разъяренная толпа махала кулаками...

Но больше всего меня разозлил такой случай. Поздно вечером Тамара с Мариной, испуганные и плачущие, вернулись из Гленкова, где была наша дача. По пути их несколько раз останавливали какие-то молодые люди. Они били кулаками по машине, употребляли матерные слова, оскорбляли. Выручил какой-то америка-

Скульптура
Е. Вучетича
«Перекуем мечи
на орала», уста-
новленная перед
зданием ООН
в Нью-Йорке

нец, прогнавший шпану. Расстроенный, я зашел в свой кабинет и набрал домашний телефон Буша. Было около 12 часов ночи. Мужчина, поднявший телефонную трубку, ответил, что Буш уже отдыхает. Я потребовал разбудить его и пригласить к телефону в связи с чрезвычайным происшествием. Наконец Буш взял трубку. Я рассказал, что случилось. И потребовал от американской стороны принять меры, чтобы обеспечить нормальные условия для работы дипломатических представителей. Видимо, мой тон, взволнованность в какой-то степени передалась Бушу, и он пообещал завтра разобраться и принять меры.

На следующий день утром раздался телефонный звонок. На другом конце провода Джордж Буш. Он сказал, что хочет встретиться с моей женой и дочерью и, если нет возражений, может подъехать в наше Представительство прямо сейчас. Так и договорились.

Встреча состоялась в переговорной комнате. Как рассказала Тамара, Буш был приветлив, улыбался. Он не просил повторить, что случилось, а сразу извинился за произошедшее и заверил, что подобные хулиганские поступки не отражают мнения американцев.

То, как повел себя Буш, изменило мое отношение к нему в лучшую сторону. Он поступил как человек, а не чисто формально, бюрократически, как могли бы повести себя многие другие дипломаты. После этого я сделал вывод: на дипломатическую работу нужно привлекать людей из жизни, прошедших, как Буш, бизнес, политическую борьбу. Тех, кто общается не только с дипломатами, а в разных кругах и с разными людьми. Или, по крайней мере, здесь должно быть разумное сочетание карьерных дипломатов и людей, зарекомендовавших себя в конкретных делах, прошедших жизненную школу вместе со своим народом.

После этого происшествия у нас с Бушем установились нормальные деловые отношения. Мы часто обменивались мнениями, при встречах любезно здоровались и улыбались. Во всяком случае, не думаю, что еще какой-нибудь американский посол, а встречи у меня были со многими, приехал бы в наше Представительство, чтобы принести извинения женщине и девочке.

ПОБЕДА!

Таким образом, переговоры продолжались больше четырех лет. Наконец проходит сессия Генеральной Ассамблеи ООН, обсуждается вопрос об избрании непостоянных членов Совета Безопасности. Голосование тайное. Раздали бюллетени. Делегация Беларуси во главе с министром иностранных дел замерла в ожидании.

Я, кажется, затаил дыхание. Кровь прилила к голове, кулаки сжались до посинения, и только одна мысль стучала в висках: «Сможем ли?!».

А потом объявляют результаты: из 123 делегаций 112 выступили за избрание Белорусской Советской Социалистической Республики непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 1974–1975 годы.

Делегация БССР на заседании Совета Безопасности ООН. Нью-Йорк, январь 1974 года

Избрание Беларуси стало историческим событием для республики и белорусского народа, показателем заслуг страны в деятельности на международной арене. Нельзя забывать и о том, что в течение января 1975 года БССР председательствовала в Совете Безопасности ООН.

И хотя срок в два года небольшой, тем не менее отметим, что тем самым наша маленькая и миролюбивая страна поднялась на еще одну ступеньку в международной деятельности, настойчиво отстаивая интересы своего народа и всего мирового сообщества.

Белорусские представители работали в Совете Безопасности в непростое время. Мировые энергетическая и продовольственная проблемы резко обострили отношения между развитыми капиталистиче-

скими странами и группой развивающихся государств. Эти страны, располагавшие в ООН большинством голосов (свыше 100 из 138), играли все более активную, наступательную роль. В результате западные страны и, прежде всего, США, обвинили неприсоединившиеся и развивающиеся государства в «тирании большинства».

За эти два года представители БССР участвовали в 109 официальных заседаниях Совета Безопасности и более чем в 150 неофициальных. Они выступали, вносили конкретные предложения, участвовали в выработке проектов резолюций.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В СОВБЕЗЕ

Я стал первым послом Беларуси, который начал представлять нашу республику в высшем международном органе – Совете Безопасности ООН. Правда, поработать в этом качестве пришлось недолго – в этом же году, летом, я вернулся в Минск и был избран председателем Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

Тем не менее до отъезда из Нью-Йорка довелось 17 раз участвовать в работе Совета Безопасности. Например, в обсуждении вопросов «О чрезвычайных Вооруженных силах ООН на Ближнем Востоке», «Жалоба Ирака относительно инцидентов на его границе с Ираном», «Урегулирование ирако-иранского конфликта», «О продлении мандата войск ООН на Кипре» и др.

Интересно, что я выступал в Совете Безопасности, а также на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН о приеме в эту Организацию Народной Республики Бангладеш. Конечно, в ту пору мне было неизвестно, что через 14 лет я буду назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в эту страну, а через 20 лет стану Почетным генеральным консулом Бангладеш в Республике Беларусь. Вот и не верь в судьбу после этого!

МОЛИТВА С НИКСОНОМ

За пять лет работы в Нью-Йорке у меня было, конечно же, множество интересных встреч как с американцами, так и с руководителями и дипломатами других стран, общественными деятелями.

Ежегодно в феврале президент США устраивает в Вашингтоне мероприятие, которое называется «чай-молитва». Проводят его в одном из крупнейших залов города, приглашают около трех тысяч гостей, в том числе всех послов, аккредитованных в США. Я был трижды на чае-молитве по приглашению президента Никсона. Начало мероприятия – в восемь часов утра. Все сидят за столами. Президент молится, а остальные завтракают и пьют чай.

Особенно мне запомнилась молитва, во время которой Ричард Никсон сказал: «Мы с Советским Союзом должны жить вместе или умереть вместе». Так до и после этого не говорил ни один американский президент.

Встречи с Ричардом Никсоном были и при других обстоятельствах, в том числе во время его выступлений на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. На меня он производил странное впечатление, как и все другие американские президенты. Почему-то не верится ничему тому, что они говорят. Например, в то время самой злободневной проблемой для американского народа была война США против Вьетнама. Никсон стал президентом не в последнюю очередь потому, что обещал покончить с вьетнамским конфликтом. А сам расширил масштабы военных действий, предпринял крупнейшие в истории бомбардировки Социалистической Республики Вьетнам. Он стал президентом «самой застойной экономики за все послевоенное время», «самого крупного увеличения потребительских цен», «самого большого роста безработицы»...

АЛЯСКА. ЖАЛЬ, НЕ НАША...

Очень важным для меня было знакомство с Соединенными Штатами Америки и их народом. Самым интересным, пожалуй, было путешествие по Аляске в мае – июне 1973 года. Я пересек ее с Юга на Север, начиная от Алеутских островов и кончая Северным столбом (North Slope), что за Полярным кругом, на берегу Северного Ледовитого океана.

Не знаю точно, но многие из тех, кого я встретил на Аляске, говорили, что я оказался первым дипломатом Советского Союза, побывавшим в этом краю.

Здание ООН
в Нью-Йорке

Путешествовали мы на гидроплане, пароме, на оленьих и собачьих упряжках. Вокруг – обширные долины, горы, леса, озера, реки и равнины тундры. Нельзя не любоваться этой действительно «Великой Землей» – именно так переводится «Аляска» с языка алеутов, аборигенов этого края.

На одной из остановок хозяин, пригласивший меня на ночлег, предложил рано утром порыбачить, чему я очень обрадовался. Рыбалка на Аляске – это настоящее приключение!

Дали мне спиннинг и наживку. Постарался забросить подальше, а сам так увлекся наблюдением за окружающей природой, что на снасти не обращал никакого внимания. Когда подошло время возвращаться домой, покрутил катушку. Вдруг что-то дернуло, большая рыбина взметнулась над водой – и на берегу оказалась извивающаяся под лучами восходящего солнца форель. Дома хозяин ее аккуратно выпотрошил, обработал и... положил в холодильник. Напрасно я надеялся распробовать вкус форели во время обеда!

Когда вернулись в Нью-Йорк, один из телеканалов предложил мне поделиться впечатлениями о поездке по Аляске. При чем на интервью в прямом эфире отводилось всего пять минут. Что можно сказать об Аляске за это время? Ничего! По пути на телевидение, обдумывая выступление, решил использовать шутливую форму, но вложить советское содержание. И вот что я сказал почти дословно:

– Мне больше, чем кому-либо, понравилась Аляска. Во-первых, потому что там родной славянской Русью пахнет. Аляска действительно прекрасный и богатейший природой и ископаемыми край. Во-вторых, я знал и раньше, но на Аляске убедился еще раз, какие глупые были у нас цари, продавшие Америке такую замечательную землю за 7,6 миллиона долларов. И, в-третьих, я еще больше убедился, сколь важна была Великая Октябрьская революция, сбросившая наших царей...

А вообще жаль, что такой лакомый кусочек, как Аляска, достался американцам...

**Публикацию подготовил
Дмитрий СМЕРНОВ,
внук В.С. Смирнова** ─